

Сердце Гу Чжияня дрогнуло. Он был уверен, что Лу Цин рассердится — рассердится из-за того, что ради каких-то двухсот тысяч он согласился выставить себя посмешищем в грубо склёпанном сериале.

Но его Цинцин без колебаний встал на его сторону и, улыбаясь, сказал: «Я тебя поддерживаю. Я в тебя верю».

Лу Цин посмотрел на два сценария, лежавшие рядом, и спросил:

— Можно посмотреть? Я никогда не читал сценарии и понятия не имею, как там придумывают истории.

— Угу. Конечно можно.

Лу Цин сел на диван и наугад открыл первую страницу. Уже от четырёх иероглифов «Сладкое сердце кампуса» у него зачесалась кожа на голове.

Но Гу Чжиянь уже подписал контракт. У него не было денег на неустойку, и он тем более не попросит Лу Цина одолжить ему эту сумму.

Раз уж всё зашло так далеко, думать о том, как остановить съёмки, было бессмысленно.

Нужно искать другой путь и по возможности вытащить сюжет, который уже одной ногой летел в пропасть, обратно на нормальную дорогу.

Однако Лу Цин всё-таки переоценил этот мыльный кошмар. В первой серии — автокатастрофа и амнезия?

Штамп двадцатилетней давности. Он на сто процентов уверен: инвестор пришёл в шоу-бизнес отмывать деньги.

Иначе какой человек в здравом уме станет снимать веб-драму, где сплошные поводы для насмешек?

— На следующей неделе я заезжаю на съёмки. В ближайшее время не смогу больше заниматься с тобой, — сказал Гу Чжиянь, глядя на похудевшую фигуру Лу Цина. Стоит ему уехать — и сможет ли тот нормально заботиться о себе?

Лу Цин покачал головой.

— Ничего страшного. Экзамены уже закончились, ты спокойно снимайся. Площадка в

соседнем городе?

— Кажется, в одной школе в соседнем городе. Не очень далеко — чуть больше ста километров.

— Тогда спокойно работай. Когда не будет занятий, я приеду к тебе поиграть.

— Не нужно...

— Ты не хочешь меня видеть? — Лу Цин перебил его отказ.

Сердце Гу Чжияня бешено всколыхнулось. Как он мог не хотеть видеть Лу Цина? Он бы с радостью каждый день был рядом, ни на шаг не отходя и не сводя с него глаз.

Лу Цин прикрыл рот рукой и улыбнулся.

— Я шучу. Теперь мне надо хорошо учиться. Не буду мотаться туда каждые несколько дней.

Гу Чжиянь нежно погладил его по макушке, уже не думая, станет ли тот уклоняться. Обычно он всегда шёл против собственных желаний, но на этот раз решил позволить себе немного своеволия.

Лу Цин не отстранился. Он с улыбкой встретил его взгляд.

— Когда вернёшься, продолжишь меня репетировать.

— Угу. Пока меня нет, хорошо заботься о себе. Ешь три раза в день вовремя, не ешь что попало. Если станет плохо — сразу в больницу.

— Ты ворчишь больше моих родителей. Это вообще кто из нас уезжает? — Лу Цин усмехнулся.

— Я буду твоим первым зрителем и первым поклонником.

У Гу Чжияня внезапно появилась дерзкая мысль. Он понимал: если произнести её вслух, Лу Цин может испугаться. Но всё равно не выдержал и спросил, осторожно прошупывая границу:

— Можно тебя обнять?

Лу Цин замер, а потом, не отрывая взгляда, постепенно покраснел.

Не дождавшись ответа, Гу Чжиянь с заметным разочарованием опустил руку.

И вдруг его талию обвили две тонкие руки.

Лу Цин мягко прислонился головой к его груди и, изо всех сил сохраняя спокойствие, понемногу крепче обнял его.

— Я буду ждать, когда ты вернёшься.

Сердце Гу Чжияня будто прокатилось на американских горках — то падало, то взлетало; в нём смешались удивление и восторг.

Он поднял дрожащую руку и погладил Лу Цина по затылку. У него появилась ещё более смелая мысль, но проткнуть тонкую бумажную стену между ними он всё-таки не решился.

.....

Следующий месяц Гу Чжиянь действительно без перерыва провёл в съёмочной группе, невзирая ни на ветер, ни на дождь, но каждый день находил время позвонить и перекинуться парой слов.

Только всякий раз Лу Цин ещё не успевал договорить, как тот уже торопливо прощался и убегал на съёмки.

Лу Цин и сам не понимал, что с ним происходит в последнее время. Внутри постоянно было пусто. Цзян Цзян даже издевался: мол, не переживает ли он разрыв.

Да, похоже, он и правда был как после расставания.

Зато, узнав, что Гу Чжиянь вернётся раньше срока, Лу Цин сразу ожил от радости.

В тот день он, как обычно, зашёл проводить тётю Гу, но дома у Гу царила какая-то неправильная атмосфера — слишком тихо.

Мать Гу сидела в комнате и разговаривала по телефону, совершенно не услышав, как открылась дверь.

Лу Цин хотел поздороваться, но ещё до того, как успел постучать, услышал из комнаты прерывистые всхлипы.

Мать Гу была в отчаянии.

— И что теперь будет с тобой? Вы уже больше половины сняли, как можно просто взять и

остановить? Группа хотя бы заплатит тебе?

— Они действительно настолько бессовестные? Ни юаня не дадут?

— Мой бедный ребёнок... Я подам на них в суд! Мы вызовем полицию, они нарушили...

— Хорошо-хорошо, я успокоюсь. Ты сегодня вечером вернёшься?

Мать Гу закончила разговор и неподвижно осталась сидеть у кровати, словно окаменев. Слезы заливали всё лицо. Она явно должна была что-то вспомнить, но никак не могла понять, что именно потеряла из памяти.

Лу Цину было уже не до вежливости. Он сразу вошёл в комнату.

— Тётя, что случилось с Гу Чжиянем?

Мать Гу не ожидала увидеть его в такое время. Она поспешно вытерла слёзы, поднялась и, делая вид, будто ничего не произошло, покачала головой.

— Ничего. Всё нормально.

— Тётя, я всё слышал. Съёмки остановили? Они уже почти закончили — почему вдруг прекратили?

Мать Гу снова разрыдалась.

— Съёмочная группа сказала, что деньги закончились. Больше снимать не могут.

— А гонорар Гу Чжияня?

— Ему не заплатили ни юаня. Более того, теперь он сам должен оплатить проживание за всё это время. Месяц в гостинице — несколько тысяч.

Сердце Лу Цина словно кто-то разбил тяжёлым ударом и насильно залил внутрь боль.

Гу Чжиянь каждый день ненадолго созванивался с ним, но ни разу не рассказал об этом.

Теперь, оглядываясь назад, Лу Цин понял: вообще-то тот сказал. Только очень осторожно, намёками сообщил, что вернётся раньше. А Лу Цин наивно решил, что съёмки просто закончились досрочно.

Оказывается, инвесторы отмыли деньги и собирались сбежать.

— Тётя, не волнуйтесь. Я что-нибудь придумаю. У меня есть деньги, несколько миллионов подарочных денег, накопленных с праздников. Я могу вложиться. Я свяжусь со съёмочной группой. Нельзя останавливаться! Они не имеют права перечеркнуть целый месяц труда Гу Чжияня! Они этого не достойны!

— Ребёнок... — Мать Гу увидела, что он собирается уходить, и пошла следом.

Лу Цин выбежал из дома, даже не обернувшись, но очень скоро вернулся. Он тяжело дышал, голос охрип.

— Тётя, только не говорите Гу Чжияню. Я хочу, чтобы он был свободен и никому ничем не обязан.

Мать Гу опустилась на диван. От сильного волнения у неё снова зазвенело в ушах, острые голоса один за другим царапали мозг.

— Тебе его не получить. А-Шэн мой.

— В любви третья лишняя — та, кто проиграла. Именно ты третья.

— Почему ты не сдохнешь? С чего ты взяла, что можешь отнять моего мужчину? А-Шэн тебя ненавидит. Мы все тебя ненавидим!

<http://bllate.org/book/21886/2324228>